

*У каждого святого есть прошлое,
а у каждого грешника — будущее.*

Оскар Уайльд

Пролог

Четыре года назад...

ФЕНИКС

— Иди сюда, мелкий говнюк.

Мелким говнюком я перестал быть еще в седьмом классе. Не то чтобы отец об этом знал.

Отмахнувшись от него, я спускаюсь на пять ступеней в маленький узкий коридор, ведущий в мою спальню.

Я поворачиваю ручку двери, когда мне в спину прилетает стеклянная бутылка.

Она пуста. *Всегда, черт возьми, пуста.*

Потому что Вэнс Уокер ни за что бы не потратил понапрасну ни капли спиртного.

Красная пелена затуманивает мое зрение, я оборачиваюсь и хватаю его за грязную рубашку.

— Ты пьян.

— А ты бесполезен. — Отец замахивается кулаком, но его координация нарушена, поэтому он промахивается и отступает. — Выродок.

Гребаная ирония.

— Все потому, что это ты меня породил.

В сознании всплывают воспоминания о том времени, когда моя жизнь не напоминала крушение поезда. До алкоголя и наркотиков. До этого поганого трейлера в этом дерьмовом городе. До предательства. До насилия.

До того, как она покинула нас.

Я должен ненавидеть ее за это... но не могу.

Она увидела возможность обрести свободу — шанс на жизнь, где сломанные ребра, разбитые носы и синяки не входили в повседневную программу, — и воспользовалась ею.

Даже если это требовало оставить ее семилетнего сына на произвол судьбы.

Я смотрю в мутные, остекленевшие голубые глаза отца — глаза, которые я унаследовал от него, — и задаюсь вопросом, как он позволил себе докатиться до такого.

Когда-то мой отец был легендой. Или, по крайней мере, находился в шаге от того, чтобы стать одной из них.

Люди называли его следующим Джими Хендриком*. Черт, некоторые даже утверждали, что отец его превосходит.

У Вэнса Уокера была великолепная жена, искренне любившая его, и сын, видевший в отце героя.

Когда-то у него было все.

А потом он все потерял.

Я отказываюсь совершать ту же ошибку.

* Джими Хендрикс (1942–1970) — американский композитор, музыкант, поэт, певец, гениальный гитарный виртуоз, за короткую жизнь завоевавший титул «короля гитары».

Глава 1

ЛЕННОН

Я доедаю вторую тарелку хлопьев «Капитан Кранч», когда на кухню входит отец, похлопывая себя по карманам.

— Ты не видела мои ключи?

Я указываю на кухонный островок, где они лежат на самом видном месте.

— Там.

— Ах. — Подойдя к мраморной стойке, он хватает их. — Спасибо, Мартышка.

Предполагается, что человек с его талантом мог бы придумать более подходящее прозвище для дочери, но, увы, ко мне привязалось *это*.

По словам отца, будучи младенцем, я напоминала обезьянку — большие уши и все такое.

У меня мгновенно сжимается сердце, и я откладываю ложку.

К сожалению, для него это единственное счастливое воспоминание, связанное с моим рождением, учитывая, что моя мама — его родственная душа — умерла спустя несколько минут.

— А не знаешь, где мой...

— Там, — говорю я ему, указывая на блокнот, который отец положил на стойку рядом с холодильником.

На его лице заметно облегчение.

— Спасибо. У меня сегодня встреча с Black Lung.

Его слова привлекают мое внимание.

— Black Lung? — Я подавляю рвущийся из горла смешок, поскольку отец определенно не подходит на роль фаната этой группы. — Разве ты немного... Ну, ты понимаешь.

Он поправляет сползающие на нос очки в толстой оправе.

— Немного что?

Я не Вилли Вонка*, поэтому стараюсь не приукрашивать.

— Тебе скоро пятьдесят, папа.

По растерянному выражению его лица становится очевидно, что он ничего не понял.

— И что?

— Ты когда-нибудь ходил на концерт Black Lung? Большинство их фанатов моего возраста.

Хотя я не знаю почему, ведь в их творчестве нет ничего выдающегося. Даже если моему отцу удастся сотворить волшебство и написать для них несколько хитовых песен, это не решит их главных проблем.

Отсутствие гармонии в группе.

И отсутствие у вокалиста... ну, в общем, *всего*.

Отец пожимает плечами, не выражая ни капли беспокойства.

— На меня вышел их менеджер. А не наоборот.

Неудивительно. Несмотря на возраст, отец до сих пор остается величайшим автором песен со времен своего личного любимца Джона Леннона. В честь кого — *сюрприз* — он меня и назвал.

— К тому же, — продолжает папа, расстегивая воротник. — Я все еще хипповый.

У меня так и вертится на языке, что только старики используют такие термины, как «хипповый», но с него достаточно оскорблений для одного дня.

— Срази их наповал, пап.

Он подмигивает.

— Если я это сделаю, они не выпишут мне чек. — Отец переводит взгляд на часы над моей головой. — Блин.

* Вилли Вонка — герой сказочной повести Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика», а также экранизаций «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» и «Чарли и шоколадная фабрика».

Я опаздываю, Мартышка. Пора бежать. — Наклонившись, он целует меня в щеку. — Хорошего дня в школе.

Я сдерживаю стон, поскольку хорошо провести время в школе Хиллкреста для меня не представляется возможным. С того момента, как я переступила ее порог, это место стало моей личной преисподней.

— Постарайся не участвовать в слэме*. Ты же не хочешь сломать бедро.

— Очень смешно. — Он подходит к входной двери, но останавливается, прежде чем открыть ее. — Черт. Куда я дел ключи?

Я поднимаю ложку.

— Они в кармане.

* * *

Подходя к переполненному студентами кирпичному зданию, я одергиваю низ блузки. Жаль, что не купила на размер больше, тогда бы она так не задиралась. Бог свидетель, меньше всего кому-то хочется видеть мой выпирающий живот. Вдохнув, я пытаюсь втянуть его, но это бесполезно. Я могу вдыхать, пока мои легкие не взорвутся, но живот все равно будет нависать над поясом моих джинсов восемнадцатого размера**.

Я оглядываю парковку, рассматривая каждую симпатичную девушку с подтянутым, плоским животом, и мою грудь переполняет зависть.

Население небольшого городка Хиллкрест составляет всего четыре тысячи и один человек, но, должно быть, есть что-то в местной воде, потому как почти все жители миловидные.

Это касалось и моей мамы.

Судя по фотографиям и словам отца, она была великолепной, высокой, стройной и обладала ангельским голо-

* Слэм — действие публики на музыкальных концертах, при котором зрители специально толкаются, сталкиваются друг с другом и прыгают у сцены, таким образом бурно выражая восторг..

** 18-й размер в США — это примерно 52–54-й размер в России.

сом. Однако я ничего от нее не унаследовала. Ну, не считая моей любви к пению в душе, когда отца нет дома.

Нет, я вылитая копия папы. Невысокая брюнетка с карими глазами и к тому же с плохим зрением — этакая заурядная внешность... И я застряла где-то между определениями «пухляя» и «толстая».

— Сфотографируй, толстозадая. Так точно запомнится.

Сабрина Симмонс. Заклятый враг, отравляющий мое существование. Эта девушка такая стерва, что по сравнению с ней Реджина Джордж* выглядит как Мэри Поппинс. Красивая, популярная, капитан танцевальной команды — все в Хиллкресте буквально одержимы Сабриной.

Однако меня она ненавидит.

Что, конечно же, заставляет всех остальных следовать ее примеру.

Я быстро прикидываю, что есть два варианта. Первый — могу игнорировать ее, но это только ухудшит ситуацию. Или второй — я могла бы отплатить ей той же монетой... что также усугубит мое положение.

По сути, варианта с благополучным исходом не существует, поэтому я выбираю тот, из-за которого не опоздаю на урок. Я прохожу мимо.

— Либо твоя одежда села, либо ты растолстела, — кричит она мне вслед.

— Да ладно, все мы знаем, что второе, — добавляет Дрейвен Тернер, капитан футбольной команды и временами бойфренд Сабрины. — Эта сучка такая толстая, что когда встает на весы, на них высвечивается: «Продолжение следует».

Их небольшое сборище разражается смехом, и мне хочется, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком.

Тот, кто сказал, что игнорирование задиры — лучшая стратегия действий, был либо чертовым идиотом, либо тем, кто никогда не подвергался настоящим пыткам.

Тот факт, что за месяц до выпускного они все еще насмеются надо мной, просто абсурден.

Абсурден и *страшен*. Раньше я убеждала себя, что все эти придирки к лишнему весу закончатся после окончания

* Персонаж фильма «Дрянные девчонки».

школы, но теперь начинаю думать, что дети-придурки вырастают, чтобы стать еще бóльшими придурками во взрослой жизни, и наше общество обречено.

Одно можно сказать наверняка. Мне надоело быть их грушей для битья.

Я оборачиваюсь. Дрейвен обнимает стройные плечи Сабрины, давая понять, что они снова вместе.

Возможно, я не могу раскритиковать их внешность, но все еще в состоянии ударить по больным местам.

— Вау. — Моя улыбка так же фальшива, как и волосы Сабрины, когда вспоминаю последнюю разыгравшуюся в Хиллкресте драму. — Я думала, что после того, как ты застал Сабрину с Фениксом на стоянке во время вечера танцев, ты покончил с ней навсегда. — Я закидываю сумку на плечо. — Но посмотрите на этих двоих... *Снова* вместе. Кажется, настоящая любовь действительно существует.

Толпа замолкает, но по гневу, озаряющему лицо Дрейвена, и взглядам, которые Сабрина бросает в меня, подобно кинжалам, становится ясно, что моя работа здесь закончена.

Едва я отворачиваюсь, как счастливая парочка начинает орать друг на друга.

По правде говоря, не могу винить Сабрину за то, что она связалась с Фениксом Уокером.

Он столь же великолепен, сколь и загадочен.

Он не зависает с популярными ребятами, но и в Стране Неудачников его точно нет. Феникс мало разговаривает, но, когда это случается, невозможно его не слушать, поскольку есть в его глубоком, хриплом голосе — в *нем* самом — нечто завораживающее.

Стоит ему войти в комнату, и он высасывает из нее весь кислород, требуя вашего внимания. Бог, должно быть, тот еще шутник, подслушивающий мои мысли, потому что по моей коже пробегают мурашки, и я чувствую жар.

Не смотри.

Но я ничего не могу с собой поделать. Я мазохистка.

Во рту у меня пересыхает, земля уходит из-под ног, когда я поворачиваюсь и попадаю в плен пронзительных голубых глаз.

Держу пари, даже в темноте он бы видел меня насквозь.

Облаченный в черное с головы до ног, Феникс стоит, прислонившись к своей побитой «Тойоте Камри», с таким видом, будто ему ни до чего нет дела. Его темно-русые волосы достаточно длинные и при движении падают на глаза, что придает еще больше загадочности. Сигарета зажата меж полных губ... подтверждая, что ему наплевать на школьные правила и возможность угодить в неприятности.

Мы никогда не разговаривали, но я наблюдала за ним на протяжении многих лет.

Я знаю, что он живет в трейлерном парке Бэйвью Эстейтс.

Знаю, что в школе есть только один человек, кого он считает своим другом, — Риз Сторм.

Я видела, как Феникс оценивает приближающихся людей... Безмолвно определяя, стоят ли они его времени.

Бессердечная маска, которую он надевает на публике.

Страдание во взгляде, когда никто не смотрит.

Мы никогда не говорили друг другу ни слова...

Но иногда мне кажется, что никто не знает его лучше меня.

Глава 2

ЛЕННОН

— Леннон, мне нужно поговорить с тобой после занятий.

Двадцать пар любопытных глаз обращаются в мою сторону. У меня сводит живот, потому что это совсем не те слова, которые хочется слышать от учителя. Особенно за месяц до выпускного.

Я лихорадочно соображаю, пока миссис Герман возвращается к доске и продолжает занятие, сравнивая литературу эпохи Возрождения и Средневековья. Я отличница с первого класса. Черт, я бы стала лучшей выпускницей, не наברי Дэвид Пол сотню на последнем тесте по математике, опередив меня на два балла. *Подонок.*

Не знаю, что именно происходит, но меня это напрягает. Настолько, что мне едва удастся удерживать концентрацию до конца урока.

Дождавшись, пока все покинут комнату, я подхожу к столу учителя.

— Все в порядке?

Она поджимает губы, внимательно изучая меня, прежде чем улыбнуться.

— Просто хотела лично сказать, как горжусь тем, что тебя приняли в Дартмут. Ты всегда была трудолюбивой, и я так рада, что ты вылезаеть из своей скорлупы и открываешь миру.

Я никогда не умела принимать комплименты, и сейчас не исключение.

— Ох... Эм-м, спасибо.

Честно говоря, несмотря на то, что я подала документы в несколько колледжей Лиги плюща, учиться я планировала в местном.

Меня не устраивает, что отец останется дома один, в то время как я буду находиться в нескольких часах езды от него. Однако он заверяет меня, что все будет хорошо, и, как бы он ни скучал, его больше огорчит, если я упущу возможность всей жизни лишь потому, что боюсь вылететь из гнезда.

Отец настаивал, что пришло время расправить крылья и ни о чем не волноваться, ведь при необходимости он всегда будет рядом.

Как бы ни тревожила меня мысль об отъезде, в глубине души я знаю, что он прав. За пределами Хиллкresta целый мир, и мне не терпится приступить к его исследованию.

Я чувствую себя обязанной что-нибудь ответить, прежде чем упорхнуть прочь, поэтому произношу:

— Вы прекрасный учитель.

В ответ она хмурится.

— Я уже не так в этом уверена.

Что ж, неловко вышло.

Выстраивая ручки на столе в прямую линию, она вздыхает.

— Есть один ученик, доставляющий мне большие трудности. Верю, что он замотивирован на учебу, но, сколько бы раз ни пыталась оказать ему дополнительную помощь, у меня не получается до него достучаться. Я предложила ему нанять репетитора перед предстоящими выпускными экзаменами, но он не может себе этого позволить. — Она вновь хмурится. — На данный момент крайне маловероятно, что он окончит школу.

Не знаю, зачем она говорит это *мне*, но я сочувствую этому ученику, кто бы им ни оказался.

Если только это не Дрейвен. Этот придурок может идти куда подальше.

— Перспектива так себе...

— Я видела, как ты помогаешь другим ученикам, Леннон. Ты терпеливая и добрая... даже когда они того не

заслуживают, и ты способна сделать так, чтобы у них в голове что-то щелкнуло. Я знаю, что не имею права просить тебя взяться за нечто подобное — особенно бесплатно, — но мне действительно жаль этого ребенка. Его жизнь дома... — словно почувствовав, что сказала слишком много, она зажимает рот. — То, что он не окончит школу, принесет ему гораздо больше вреда, чем пользы. Однако, чтобы избежать этого, ему необходимо сдать выпускной экзамен, а также выполнить внеклассный проект, дабы повысить оценку по английскому языку.

Ну и ну. Нужно все обдумать. Я не против помочь, но звучит напряжно. Не говоря уже о... потере времени.

Не то чтобы я вела активную общественную жизнь или что-то в этом духе.

— Ему необходимо сдать только английский, или есть еще проблемные предметы?

— Я поговорила с другими учителями, и, хотя его оценки оставляют желать лучшего, он сможет набрать минимальные баллы. Похоже, английский — его самый слабый предмет.

Учитывая, что английский дается мне лучшего всего, кажется, я могу принести пользу.

Внутренний голос подсказывает мне отказаться и не вмешиваться, но я знаю, что буду мучиться угрызениями совести, если хотя бы не попытаюсь помочь.

— У меня есть немного времени после школы и в выходные. — Я забираю книги со стола. — Не могу обещать, что занятия со мной помогут ему сдать экзамен, но хочу попробовать.

Миссис Герман оживает.

— Замечательно! Большое спасибо, Леннон. — Она оглядывает пустой класс. — Сегодня после уроков состоится учительское собрание, но я могу оставить класс незапертым, чтобы вы познакомились и составили расписание.

— Звучит неплохо. Спасибо. — Я направляюсь к двери, когда до меня доходит, что я даже не знаю, кого именно буду учить. — Кто этот ученик?

Она поднимает взгляд от стопки бумаг на столе.

— Не уверена, что ты его знаешь, поскольку вы учитесь в разных классах, но это Феникс Уокер.

Такое чувство, будто кто-то выбил землю у меня из-под ног.

— Ох.

Она удивленно моргает.

— Это проблема?

Нет, если только она не считает проблемой мой выпирающий живот, внезапно вспотевшие ладони или неспособность набрать воздуха в легкие.

— Нет. Все хорошо.

Просто отлично.

* * *

Может, мне стоит сказать миссис Герман, что я слегла с мононуклеозом?

Или малярией.

Я могла бы сослаться на чрезвычайную ситуацию дома.

Или заявить, что у меня умерла золотая рыбка.

Я дергаю низ блузки, пока иду по пустому коридору, беззвучно проклиная себя за то, что вообще согласилась на это.

Глупая, глупая, глупая.

Я надеялась, что в течение дня нервы немного успокоятся, но стало только хуже.

И вот я здесь... Готова танцевать танго в логове льва.

Но Феникс, конечно, не лев.

Он, скорее, похож на волка-одиночку.

Особенно с этими ледяными голубыми глазами и его манерой поведения «*не шути со мной, иначе вырву тебе глотку зубами*».

С облегчением обнаруживаю, что класс пуст. То, что я пришла первой, дает мне преимущество... и дополнительное время, чтобы остыть.

Поставив сумку с книгами на длинный стол в задней части класса, я плюхаюсь на стул.

Вскоре пять минут ожидания превращаются в десять, а Феникса все еще нет.

С облегчением я собираю вещи и напеваю одну из своих любимых песен: Cryin' группы Aerosmith.

Музыка всегда была моей первой любовью. Всякий раз, когда я испытываю стресс, грущу или нервничаю... она